

УДК 94(47):0001.89

doi 10.17072/2219-3111-2024-1-114-123

Ссылка для цитирования: *Пушкарева Н. Л., Секенова О. И.* Феномен Дома ученых в системе государственной поддержки научных работников в 1920–1930-е годы // Вестник Пермского университета. История. 2024. № 1(64). С. 114–123.

ФЕНОМЕН ДОМА УЧЕНЫХ В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОДДЕРЖКИ НАУЧНЫХ РАБОТНИКОВ В 1920–1930-Е ГОДЫ¹

Н. Л. Пушкарева

Институт этнологии и антропологии имени Н. Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук, 119334, Россия, Москва, Ленинский пр., 32А

pushkarev@mail.ru

ResearcherID: K-1705-2013

Scopus Author ID: 55794855000

SPIN-код: 3853-8032

О. И. Секенова

Институт этнологии и антропологии имени Н. Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук, 119334, Россия, Москва, Ленинский пр., 32А

jkzkray@mail.ru

ResearcherID: ANE-1922-2022

Scopus Author ID: 57218307457

SPIN-код: 2228-0305

На основе автодокументальных и делопроизводственных источников проанализированы значение и основные функции советских Домов ученых в 1920–1930-е гг., их место в системе государственного поощрения научных работников. Реконструированы перемены в структуре задач, которые государственная научная политика ставила перед этими организациями.

Изменение функций Домов ученых влияло на статус их членов: за 20 лет существования эти уникальные в своем роде объединения научных работников превратились в оплот советской витринной дипломатии и форму конструируемой сверху элитарности. Эти организации обеспечивали продуктивный досуг научной элиты, который одновременно приносил видимую (а именно – просветительскую) пользу обществу. Активная готовность участвовать в решении поставленных властью задач вознаграждалась для членов Домов ученых доступом к материальным благам и уникальным культурным мероприятиям. Созданные во многих научных центрах, эти организации становились локусами междисциплинарной профессиональной коммуникации, общения с представителями смежных научных отраслей, дискуссий во время докладов иностранных исследователей и в то же время обеспечивали ряд привилегий, касавшихся сферы досуга. Эффект от сочетания перечисленных и ряда иных функций (в том числе релаксационных, оздоровительных, просветительских и пр.) превратил Дома ученых не только в центры коллективной научной мысли, но и в один из символов элитарности части советских научных работников.

По мере расширения функций и роста числа их членов возрастали и риски девальвации членства в этих объединениях. В связи с этим с начала 1930-х гг. стал заметен конфликт между социальными ролями общественника и успешного ученого. К концу 1930-х гг. Дома ученых с ограниченным доступом и собственными жесткими внутренними корпоративными правилами стали полем конструирования элитарности внутри профессиональной субкультуры работников научно-исследовательских институтов, некоторого разделения на тех, кто имел членский билет Дома ученых, и на тех, кто не имел его, в общей массе академических работников.

Ключевые слова: социальная история науки, Дом ученых, повседневность 1920–1930-х гг., Центральная комиссия по улучшению быта ученых (ЦЕКУБУ), Высшая аттестационная комиссия (ВАК).

Введение

«Дух науки – поистине изумительный дух», – писал знаменитый английский фантаст Герберт Уэллс, побывав в первом советском Доме ученых в Петрограде, открывшемся в 1920 г.

Местом совместного досуга и общения людей науки в северной столице был выбран в тот памятный год дворец Великого князя Владимира Александровича на Дворцовой набережной.

Как возник этот уникальный феномен – Дом ученых – форма объединения работников научных учреждений и высшей школы СССР? Кому пришло в голову создать специальное помещение для встреч ученых с представителями творческих профессий: артистами, литераторами, художниками? Была ли эта инициатива рождена научной средой? В чем своеобразие этого феномена, которого не найти в иных странах, и претерпел ли он эволюцию?

Хотя различные аспекты материального обеспечения ученых в советское время исследованы не без скрупулезности [Пушкарева, 2016, 2022; Ахметова, 2021; Пушкарева, Жидченко, 2022; Долгова, 2021, 2022a, 2022b], повседневная жизнь членов Домов ученых, как и сама эта форма самоорганизации научных работников, изучены слабо. Правда, можно вспомнить недавнее исследование О. А. Хабибрахмановой, осуществленное на материалах Поволжья и Республики Татарстан [Хабибрахманова, 2021], и давнюю статью Ю. Хаккарайнена, подчеркивающую значение самоорганизации ученых в снабжении научных работников провизией и научной литературой в начале 1920-х гг. [Hakkarainen, 2012]. Коснулись данной темы и авторы коллективного труда о ранних годах работы Петроградского дома ученых [Ноздрачев и др., 2020], но не ставили задачей проанализировать уникальность этой формы научных объединений, как и ее эволюцию. Большинство публикаций по теме – формальные юбилейные панегирики или краткие исторические справки, при том что ее источниковая база весьма основательна. Документохранилища Архива РАН отличаются богатством материалов о внерабочей повседневности научных работников: в одном только фонде 434 (Московский дом ученых Академии наук СССР) – сотни документов: протоколы заседаний, планы и расписание мероприятий, тексты докладов отдельных научных кружков и групп, отчеты о работе. Работа Петроградского дома ученых в тяжелые 1920–1921 гг. отражена в изданном М. Н. Величенко и А. Н. Чистиковым сборнике документов (Петроградский дом ученых..., 2000). О Домах ученых сочли возможным написать в воспоминаниях и многие современники (Уэллс, 1970; Мария Федоровна Андреева..., 1968), в том числе один из его директоров (Шкаровский, 2004). Совокупность источников позволяет раскрыть немалое число важных деталей, выяснить, стала ли инициатива времен большевистского экспериментирования реально значимой для ученых в СССР и возникло ли в итоге ожидаемое пространство научной и бытовой социализации советских научных работников.

«Комитет поддержания бодрости среди интеллигентов»: просветительская функция Домов ученых

Обращение к истории создания «домов» для лиц разных профессий (Центральный дом железнодорожника, Дом учителя, Дом офицеров), позволяет заключить, что идея эта витала в революционном воздухе с начала 1910-х гг. Создаваемые в ходе развертывания культурной революции после событий 1917 г., они оказались воплощением задумки культурно-просветительских учреждений, призванных заместить клубные объединения дореволюционной эпохи.

Что касается именно Дома ученых, то инициатива создания такого неформального объединения для людей науки возникла вовсе не в научной среде. Она принадлежала А. М. Горькому и выполнявшей культуртрегерскую миссию подруге писателя (и бывшей актрисе МХТ) М. Ф. Андреевой, позже возглавившей Московский дом ученых и находившейся на посту его директора в Москве 17 лет (с 1931 г.). С высоты нынешнего времени можно быть уверенными, что Дом ученых конструировался как продуманный элемент системы незримого государственного регулирования, и создание его диктовалось желанием контролировать проведение досуга научными работниками. Изначально находившийся в ведении Центральной комиссии по улучшению быта ученых (ЦЕКУБУ) при СНК РСФСР, Дом ученых затем перешел в ведение Секции научных работников Всероссийского профсоюза работников просвещения, затем – в Комиссию содействия ученым (КСУ) при СНК СССР и, наконец, под прямое управление Президиума АН СССР. Говоря о создании первого Дома ученых в Петрограде, М. Горький не без иронии заметил, что «Комитет улучшения быта ученых следовало бы переименовать в Комитет поддержания бодрости среди интеллигентов» (Анненков, 1991, с. 26): приунывшие в

контексте послереволюционной неразберихи представители образованного сословия, очевидно, нуждались в существовании чего-то подобного профессиональному клубу по интересам.

Кроме материальной поддержки от ЦЕКУБУ, Дома ученых могли обеспечить сохранение неформального общения исследователей, стремительно разрушавшегося под влиянием внешних обстоятельств, и спокойную рабочую обстановку (в условиях, когда домашняя библиотека могла исчезнуть, а жилищные условия не позволяли работать дома). Под Дома ученых были выделены комфортные здания (бывший дворец Великого князя Владимира Александровича в Петрограде и особняк Коншиных в Москве), внутри были организованы столовые и буфеты, расширялся штат обслуживающего персонала (АРАН. Ф. 434. Оп. 1-1934. Д. 1. Л. 1–20), начинали собираться научные кружки, работать секции.

Уже в конце 1920–1930-х гг. количество неформальных научных клубов во всех действовавших Домах ученых Советского Союза было огромным, ежедневно проходило несколько мероприятий и собраний, концертов или кинопоказов. Скажем, в 1935 г. в Московском доме ученых работали секции: экономическая, сельскохозяйственная, географическая, посещались кинокурсы и кружок изобразительных искусств – живопись и скульптура, были объявлены секции иностранных языков (французский, немецкий, английский), секции спортивные – профилактической и художественной гимнастики, современных танцев, общей физподготовки, туристическая, секция рационализации труда ученого, семинар по истории русского театра, музыкальный кружок, занятия по технике речи, фотокружок, группа аэрофотосъемки, охотничье-рыболовный кружок и др. Но, конечно, главными считались секция историческая и индустриально-техническая, марксистско-ленинский университет и консультации по истории ВКП (б), лекторий обкома Союза высшей школы. Секретари отдельных кружков и групп были трудоустроены как работники Дома ученых, в штате в 1932 г. появился ученый секретарь (Там же). Материальная база Домов ученых росла: к ним стали относиться теннисные корты, водные станции, бильярды, летние базы и дома отдыха.

Уже к началу 1930-х гг. число желающих стать членами Домов ученых резко выросло, и политика власти по отношению к ним стала меняться: доступные привилегии «культурного обслуживания» стало нужным отработать активным участием в общественной работе и соцстроительстве; количество общественных поручений для членства стало расти, и притом стремительно.

Судя по протоколам совещаний Комитетов содействия ученым Московского и Ленинградского домов ученых, постоянное сотрудничество с многочисленными государственными и партийными организациями стало общим требованием. Продуктивным, хотя и нередко проблемным, стало сотрудничество с военными: так, в 1930-е гг. одной из задач военной реформы была реорганизация системы подготовки военных кадров (в первую очередь через повышение уровня образования командного состава) [Жарков, 2009, с. 200], в документах Дома ученых это называли «культурный поход наркома Ворошилова» (АРАН. Ф. 434. Оп. 1-1934. Д. 4. Л. 3 об.). Дома ученых получили указание помочь Народному комиссариату обороны. И Московский дом ученых немедленно развернул просветительскую работу уже не среди ученых, а среди военных: им читались лекции, особые – для начальствующего и политического состава на «темы общеполитического и техноэкономического характера» (АРАН. Ф. 434. Оп. 1-1934. Д. 1. Л. 1). Через Дом ученых для чтения массовых курсов красноармейскому культурному и активу художественной самодеятельности армии и флота приглашались лучшие популяризаторы, было предложение организовать кружок военных знаний при Доме ученых для подготовки обученного военному делу резерва командиров из среды научных работников (Там же). Обе столицы – Москва и Ленинград – развернули шефскую работу на Балтийском и Черноморском флотах. Жены ленинградских ученых, посещавшие до начала 1930-х гг. кружки иностранных языков, должны были, в свою очередь, передать свои знания балтийским морякам (АРАН. Ф. 434. Оп. 1-1934. Ед. хр. 4. Л. 67 об.). Как тут не вспомнить фильм «Сердца четырех» (1941), в котором занятия с комсоставом Красной армии вела в дачной обстановке доцент математики Галина (в исполнении В. Серовой)!

Зарубежные научные работники и туристы в Доме ученых

Вторым важнейшим внешним направлением работы Дома ученых было дипломатическое – сотрудничество со Всесоюзным обществом культурной связи с заграницей (ВОКС), многочисленными общественными организациями и Всесоюзным научным инженерно-техническим обществом (ВНИТО). Члены администрации Центрального дома ученых и Комитета содействия даже жаловались на чрезмерную нагрузку, лекции и выступления приходилось организовывать почти нон-стоп (АРАН. Ф. 434. Оп. 1-1934. Д. 4. Л. 4–4 об.). К этому добавлялся прием иностранных гостей и делегаций. Одним из таких гостей как раз и стал Г. Уэллс, отметивший, что научные работники в тяжелый для всех 1920 г. почти не заговаривали с ним о возможности посылки им продовольствия, тогда как в Доме литературы и искусств он слышал «кое-какие жалобы на нужду и лишения» (Уэллс, 1970, с. 41). Свидетель этой встречи художник Ю. Анненков подробно описывал скандал, случившийся на встрече с литераторами, и считал, что вечер «закончился в сумятице не очень гостеприимной и не очень галантной, но все же с оттенком добродушия» (Анненков, 1991, с. 31–32).

Научные же работники, по свидетельству Г. Уэллса, разительно отличались от деятелей искусств: больше всего они мечтали не об улучшении собственного материального положения, а о доступности иностранной научной литературы. Историк из Йельского университета (США), преподававший в Высшей школе экономики, увидел в регулярном участии советской интеллигенции в приеме иностранных гостей типичные черты политической мобилизации и «превращение ученых в важнейшее орудие советской культурной дипломатии» [Дэвид-Фокс, 2015, с. 85]. Однако в любом случае советские ученые искренне стремились к восстановлению и сохранению научных связей с зарубежными коллегами (в 1925 г. эту функцию взяло на себя Всесоюзное общество культурной связи с заграницей под руководством О. Д. Каменевой, сестры Л. Д. Троцкого [Киселева, 1991]).

Поначалу именно Дома ученых старались сделать все возможное, чтобы налаженные научные связи сохранились. Бюро по приему иностранцев ВОКС в дальнейшем продолжило это дело, организуя не массовые, а именно индивидуальные путешествия представителей зарубежной интеллигенции (от 463 до 1158 человек ежегодно с 1925 по 1929 г.) [Орлов, Попов, 2018, с. 84]. Опыт Домов ученых показал: этим достигался эксклюзивный ответ на профессиональные запросы российских и иностранных специалистов. Знакомство иностранцев с жизнью советских ученых осуществлялось с помощью «культпоказов» – демонстрации гостям образцово-показательных, а не случайно выбранных учреждений [Дэвид-Фокс, 2015, с. 176].

Дома ученых Москвы и Ленинграда были обязательным пунктом программы визита всех иностранных исследователей в СССР. Там гости не только проводили лекции или публичные встречи, но и участвовали в банкетах и культурных мероприятиях. Главной целью визитов в Дом ученых была демонстрация изобилия и привилегированного положения советских работников интеллектуального труда. Витринная дипломатия обеспечивала «мягкую связь» с заграницей и визуализировала для внешних зрителей настоящую «наукokratическую утопию» [Долгова, 2022а, с. 64, 68].

Обязанность членов Дома ученых принимать зарубежных гостей не была им в тягость. Более того, к концу 1920-х – началу 1930-х гг. стала заметной конкуренция за право приема иностранных делегаций между КСУ, ВОКС и созданным в 1929 г. «Интуристом» [Орлов, Попов, 2018, с. 113–115]. Нападки на ВОКС усилились (в связи с уходом с должности руководителя О. Д. Каменевой), но управлять графиком поездок зарубежных ученых продолжали именно ВОКСовцы. Руководство столичных Домов ученых видело в этом неумение использовать приезд иностранцев для налаживания научных связей: «ВОКС затаскивает иностранцев по всем памятникам старины, по всем музеям, а сюда [в Дом ученых] приводят наскоро поесть и уезжают», показывают физика Нильса Бора «как ученую обезьяну, а могли бы собрать всех ученых... Москвы и Ленинграда и устроить деловое совещание» (АРАН. Ф. 434. Оп. 1-1934. Д. 4. Л. 34–34 об.).

По мере роста благосостояния советских ученых демонстрация изобилия иностранцам превратилась в повод для гордости за свой статус и возможности его продемонстрировать. По-

темкинские деревни (с которыми ассоциируют визиты иностранцев в СССР в столичные Дома ученых современные исследователи [Дэвид-Фокс, 2015, с. 30; Орлов, Попов, 2018]) виделись таковыми в приемах, организованных в Домах ученых, и некоторым современникам. Так, супруга А. В. Луначарского Н. А. Луначарская-Розенель вспоминала, что одного немецкого археолога в 1925 г. буквально закармливали красной и черной икрой, а М. Ф. Андреева (глава Дома ученых), «сохраняя на лице выражение внимания и радушия», заметила, что его еще «скромно принимали» (Мария Федоровна Андреева..., 1961, с. 465).

Взаимодействие с иностранцами являло включенность советской науки в общемировую и способствовало возрождению, казалось бы, утраченных в революционные годы бытовых практик, сопутствовавших научной деятельности. Речь прежде всего идет о неформальном общении на встречах и банкетах. Изначально оно предполагало взаимодействие только ученого сообщества, но после того, как в начале 1930-х гг., «когда принимали французских математиков, ряд крупных ученых» выразили сожаление, что они «пришли одни, а их жены не получили приглашение», и отметили, что «французов это удивило, в их практике это не принято» (АРАН. Ф. 434. Оп. 1-1934. Д. 4. Л. 67 об.), решено было вернуться к практике приемов ведущих ученых с их женами.

«Душат часть профессоров и увековечивают других»: научный статус членов Домов ученых в 1930-е гг.

Изначально членство в Домах ученых свободно регулировалось: достаточно было просто иметь регистрацию в ЦЕКУБУ.

Первой попыткой изменить это положение (поскольку члены Домов ученых очевидно имели больший доступ к материальным благам, чем рядовые научные работники) стало создание Экспертной комиссии по перерегистрации. Созданная в ЦЕКУБУ для «сопровождения» вступления в Секцию научных работников, она заявила, что основными критериями для успешного прохождения перерегистрации отныне будут академические успехи, личные качества научных работников и их убеждения. Историк С. А. Пионтковский записал в дневнике несколько слов о своем участии в составе такой квалификационной комиссии: «Я их резал безжалостно» (Пионтковский, 2009, с. 318). Считая своим долгом бороться за идеологическую чистоту в разнородной научной среде историков, он лишал доступа к привилегиям людей, которых он считал политически неблагонадежными или лично неприятными (не скрывая при этом, что медиков включали в Секцию научных работников в большей степени в зависимости от их академических заслуг).

После преобразования в 1931 г. ЦЕКУБУ из комиссии по улучшению *быта* просто в комиссию *содействия* ученым, усложнился доступ к членству: появилась процедура с заполнением анкеты и получением соответствующих рекомендаций от действительных членов, лишь после чего комиссия принимала решение о вступлении. Рекомендации были очевидным способом лоббирования «своих» и «нужных», тем более что возникла практика регистрации несоответствия рекомендаций реальным научным заслугам: «Поступает дело желающего вступить в члены ДУ, по анкете видно, что – барахло, а по рекомендациям... – чуть ли не мировое имя»; «Звонит один профессор и говорит, что в таком-то деле имеется отзыв, так имейте в виду, говорит, я принужден был его дать, потому что человек ходил за мной тенью и заставил меня дать этот отзыв» (АРАН. Ф. 434. Оп. 1-1934. Д. 4. Л. 31).

В 1932 г. в СССР была учреждена Высшая аттестационная комиссия (ВАК), многие задачи которой не изменились до сих пор и известны всем научным работникам. В 1934 г. в советскую систему науки были введены ученые степени и звания (аннулированные после 1917 г.), и на ВАК была возложена обязанность присуждать эти ключевые маркеры научного статуса. Эти перемены в администрировании науки прямо отразились на членстве в Домах ученых, многие догадались, что «волкодавы из ВАКа» ныне смогут «удушить» одних профессоров и «возвеличить других». В КСУ это назвали «холодной чисткой»: научные работники, казавшиеся комиссии недостаточно квалифицированными (главным критерием в данном случае было именно решение ВАКа) оказались исключенными (АРАН. Ф. 434. Оп. 1-1934. Ед. хр. 4. Л. 12).

Неудивительно, что в 1934 г. количество членов Ленинградского дома ученых сократилось до 2100 человек (в то время как в 1926 г. их было 48 000) (Шкаровский, 2004); многие оказались исключены под предлогом неуплаты взносов (которые всегда существовали: и единовременный вступительный, и ежегодные, были и взносы за каждого члена семьи) либо потери членских билетов. Однако исключенным не указывали при процедуре лишения членского билета на научный статус, который как раз в реальности и был основанием для принятия решения о членстве (АРАН. Ф. 434. Оп. 1-1934. Д. 4. Л. 12). При этом сотрудники КСУ главной задачей называли необходимость улучшения контингента членов Дома ученых, а сложности возникали – и с научной молодежью, и с элитой. Отчетность КСУ позволяет понять, что ученые с мировым именем, академики вовсе не спешили вступать в члены Домов ученых, отказывались посещать организованные ими культурные мероприятия, а тем более участвовать в самодеятельности. На прямые вопросы директора М. Ф. Андреевой, почему они не подают заявление на членство в Доме ученых, многие отвечали, что не отказываются, «да все некогда» (Там же. Л. 30). Примерно так же академики реагировали на попытку приобщить их к марксистско-ленинскому образованию: М. Ф. Андреева печалилась, что они воспринимают беседы такого рода «как прежде с хорошим старым попом разговаривали» и заявляют, «что они не пойдут на лекции и доклады» (Там же. Л. 20). Мотивация крупных ученых была объяснима, а прямая взаимосвязь привилегий и общественного служения (выступлений с докладами и популяризации науки) означала бы для них значительные потери рабочего времени, оторванного от научных занятий.

Между тем членство в Доме ученых привлекало большое число людей, не слишком успешных в науке, зато ценящих привилегии, которые давал членский билет. Если в Москве и Ленинграде эти преимущества были подчас не столь очевидны, то Дома ученых Минска и Казани давали своим членам право и «на дифференцированное снабжение», и на курорты, и на посещение особой столовой. Чистка 1934 г. должна была удалить таких приспособленцев. Протоколы заседаний свидетельствуют о том, что таковых было немало: «Проф. Динге – староста автомобильного кружка, просит оказать ему содействие в приобретении целого перечня предметов, как например: патефон, мужское пальто, дамское пальто» (АРАН. Ф. 434. Оп. 1-1934. Д. 4. Л. 14–14 об.). Новые правила предполагали, что активист должен был заслужить привилегии именно научной и просветительской работой. Однако совмещение общественной и научной работы на одинаково высоком уровне было по силам лишь немногим, а после приобретения желанного членства в Доме ученых мотивация заниматься общественной работой зачастую исчезала.

В предвоенное время в КСУ поступали предложения о возможном ранжировании этих научно-культурных учреждений, дифференциации Домов ученых в зависимости от достигнутого профессионального статуса, их отдельной организации для академиков, профессоров и научных работников (для рядовых сотрудников НИИ). Идея эта не была реализована, но различия между уровнем привилегий научной элиты в составе Домов ученых и возможностями рядовых членов сохранялись, тем более что членство в этих замещающих научные клубы организациях могло быть присвоено не только за академические заслуги, но и просто по родственному принципу.

Дома ученых как «школа жен»

«Академические жены» уже с конца 1920-х гг. были активными членами Домов ученых. Они имели право на посещение кружков (иные специально для них и создавались) и иные привилегии. Но не стоит забывать, что именно через Дома ученых стала возрождаться дореволюционная практика активного вовлечения супруг исследователей в общественные неформальные процессы, сопутствовавшие производству научного знания: в дореволюционной академической традиции супруга ученого, как правило, помогала вести переписку, стенографировать или переводить его работы на иностранные языки, способствовала развитию социальных связей в практиках домашних приемов учеников ее мужа (это способствовало складыванию научных школ и корпораций в различных отраслях науки и тесному общению разновозрастных коллег).

Общественно-политические трансформации 1917–1930-х гг. вели к угасанию этой традиции и формированию новых социальных задач «академических жен». И Дома ученых немало

тому способствовали, формируя новые механизмы социализации женщин, чьи супруги поднимались на вершину научной карьеры в СССР. Неписанная готовность жен ученых обучать иностранным языкам детей научных работников оказалась сохраненной именно «общественными нагрузками» в Домах ученых, которые прямо нацеливали жен научных работников на помощь мужьям – для «переводов, консультаций, помощи в апробации» (АРАН. Ф. 434. Оп. 1-1934. Ед. хр. 4. Л. 48). Еще более разумеющейся была помощь академических жен в работе детских клубов. Благодаря этим обязательствам у академических жен возникали и привилегии: право посещения любых концертов и кинопоказов, участие в работе кружков по интересам.

С начала 1930-х гг. в Ленинградском доме ученых женщины могли пользоваться услугами отличных парикмахеров и маникюрш (АРАН. Ф. 434. Оп. 1-1934. Ед. хр. 99. Л. 2), а в Московском – получать бесплатные профессиональные консультации по детской дошкольной педагогике, советоваться с врачами-косметологами (АРАН. Ф. 434. Оп. 1-1935. Ед. хр. 142. Л. 15–16). Безусловным подспорьем для женщин была возможность записывать детей в многочисленные детские клубы, на экскурсии и музыкальные утренники (АРАН. Ф. 434. Оп. 1-1935. Ед. хр. 7. Л. 27–28). Работавшие при Домах ученых столовые и буфеты (Московский и Ленинградский – на 250 чел. (Там же. Л. 32 об.)) оставляли женщинам, имевшим возможность кормить там мужей и самих себя, больше личного свободного времени.

Привилегированному статусу супруги члена Дома ученых нужно было соответствовать. Образцовая «академическая жена» должна была обладать презентабельной внешностью советской гражданки, не отстающей от моды [Журавлев, Гронов, 2019, с. 23]. В обучении этому и формировании нового статуса «академической жены» немалую роль сыграла сама директриса Центрального дома ученых М. Ф. Андреева, с ее «глазами насмешливой мадонны» (как ее именовал в юности Саша Черный), немолодая, но умеющая следить за собой. На свой пост она вступила 63-летней в 1931 г. и была на нем до 1948 г., покинув 82-летней, за пять лет до смерти. Всегда элегантная, доброжелательная и умеющая быстро вникнуть в суть дела, «именно она задала тот высокий тон и тот стиль, который долго сохранялся в Доме ученых» (Енишерлов, 2002). Так или иначе, но благодаря Домам ученых многие жены и дочери советских деятелей науки получили возможность стать мастерицами, сочетая общественную работу в Совете жен ученых с рациональным ведением домашнего хозяйства.

Заключение

В заключение можно сделать вывод о том, что родившиеся вовсе не по низовой инициативе деятелей науки советские Дома ученых с 1920 г. подверглись медленной, но неуклонной перестройке. Их эволюция прослеживается на протяжении двух десятилетий: из важного элемента системы государственной поддержки научных работников – в типично советский феномен, исподволь рождавший неравенство статусов людей науки.

Вначале относившиеся к ЦЕКУБУ, затем переходившие в ведение Секции научных работников Всероссийского профсоюза работников просвещения, Комиссию содействия ученым при СНК СССР и, наконец, под прямое управление АН СССР Дома ученых существенно расширяли с каждым годом список функций и задач. Поначалу обеспечивавшие лишь минимальные материальные потребности ученых в тяжелые 1920-е гг., они стали позже серьезными общественными объединениями, служившими целям витринной советской дипломатии и выборочной поддержки наиболее лояльно настроенных деятелей науки. Решая идеологическую задачу, Дома ученых одновременно обеспечивали продуктивный досуг сотрудников научных учреждений, поощряя их приносить видимую просветительскую пользу обществу.

Активное участие в решении общественно-нужных, просветительских задач вознаграждалось доступом к материальным благам и уникальным культурным мероприятиям. В Домах ученых можно было коммуницировать с представителями смежных научных отраслей, слушать доклады не только российских, но и иностранных ученых, обсуждать новости мира науки вне своей прямой специальности. Эффект от сочетания разнородных и разнообразных функций превратил Дома ученых в один из символов особого (а для узкой части и элитарного) положения научных работников в СССР, отождествляя принадлежность к нему как к закрытому клубу

с серьезным социальным влиянием. К началу 1940-х гг. Дома ученых сформировали незаметную для многих элитарную субкультуру внутри широкой профессиональной субкультуры советских научных работников с ограниченным доступом и жесткими внутренними корпоративными правилами.

Примечания

¹ Подготовлено в рамках гранта Министерства науки и высшего образования РФ №075-15-2022-328.

Список источников

- Архив Российской академии наук (РАН). Ф. 434. Оп. 1-1934. Д. 1, 4, 99; Оп. 1-1935. Д. 7, 412.
Анненков Ю.П. Дневник моих встреч: цикл трагедий: в 2 т. Л.: Искусство, 1991. Т. 1. 343 с.
Енишерлов В. Дом ученых Москвы. К 80-летию основания [Электронный ресурс] // Наше наследие. 2002. № 63-64. URL: <http://www.nasledie-rus.ru/podshivka/6413.php> (дата обращения: 10.11.2022).
Мария Федоровна Андреева. Переписка, воспоминания, статьи, документы, воспоминания о М.Ф. Андреевой. М.: Искусство, 1968. 797 с.
Петроградский дом ученых, 1920–1921: история в док. / сост. М.Н. Величенко, А.Н. Чистиков. СПб., 2000. 74 с.
Пионтковский С.А. Дневник историка С.А. Пионтковского (1927–1934). Казань: Изд-во Казан. гос. ун-та, 2009. 516 с.
Уэллс Г.Д. Россия во мгле: сб. М.: Прогресс, 1970. 223 с.
Шкаровский В.С. Мой родной Дом ученых через призму веков и лет. М., 2004. 93 с.

Библиографический список

- Ахметова М.А.* «Наука, преобразующая весь мир, создается гениями, нуждающимися в защите и помощи больше, чем кто бы то ни было» (о судьбах ученых в голодные 1920-е гг.) // Историческая этнология. 2021. Т. 6, № 2. С. 312–325.
Долгова Е.А. «Содействие у нас и защита у них»: советские комиссии обеспечения ученых как витринный проект в 1920–1930-е годы // Вестник Перм. ун-та. История. 2022а. № 4(59). С. 62–71.
Долгова Е.А. «ЦЕКУБУ играет до сих пор значительную роль в деле материально-бытового обслуживания научных работников. Вместе с тем...». Дискуссия о ЦЕКУБУ в 1929–1931 гг. // Исторический архив. 2022b. № 1. С. 102–132.
Долгова Е.А. Квартирный вопрос для научных работников: от дома-коммуны к жилищному кооперативу // Изв. Урал. федер. ун-та. Гуманитарные науки. 2021. Т. 23, № 4. С. 139–158.
Ноздрачев А.Д., Тихонов А.А., Поляков Е.Л. [и др.] Дом ученых: начало пути в документах и фактах (к 100-летию со дня основания). СПб.: Art-Xpress, 2020. 304 с.
Дэвид-Фокс М. Витрины великого эксперимента. Культурная дипломатия Советского Союза и его западные гости, 1921–1941 годы. М.: Новое литературное обозрение, 2015. 568 с.
Жарков В.В. Реформирование Красной армии в 1920-е гг. // Ярослав. пед. Вестник. 2009. № 2 (59). С. 193–202.
Журавлев С., Гронов Ю. Мода по-советски: роскошь в стране дефицита. М.: ИстЛит, 2019. 624 с.
Киселева Н.В. Из истории борьбы советской общественности за прорыв культурной блокады СССР (ВОКС: середина 20-х – начало 30-х годов). Ростов н/Д: Изд-во Ростов. ун-та, 1991. 160 с.
Орлов И.Б., Попов А.Д. Сквозь железный занавес. See USSR!: иностранные туристы и призрак потемкинских деревень. М.: Изд. дом Высш. шк. экономики, 2018. 485 с.
Пушкарева Н.Л. Домашняя повседневность женщин-ученых в СССР и постсоветской России: содержание и динамика перемен // Домашняя повседневность населения России: история и современность: материалы междунар. науч. конф., Санкт-Петербург, 7–9 апреля 2022 г. СПб.: Изд-во Ленинград. гос. ун-та им. А.С. Пушкина, 2022. С. 119–125.
Пушкарева Н.Л., Жидченко А.В. Сибирский эксперимент в истории советского академического сообщества: бытовой и гендерный аспекты // Quaestio Rossica. 2022. Т. 10, № 2. С. 593–611.
Пушкарева Н.Л. Когда зарплаты были большими: материальное поощрение советских ученых в 1921–1953 гг. // Российская история. 2016. № 6. С. 69–82.

Хабибрахманова О.А. Советские Дома ученых: практики освоения советского культурного пространства вузовской интеллигенцией 1920–1930-х годов // Вестник Чуваш. ун-та. 2021. № 4. С. 158–164.

Hakkarainen J. Books and Food for the Precious Brains: Re-establishing the International Scientific Relationships with Russian Scholars through the Relief Programme of Academic Relief Committee of Finland in 1921–1925 // Социология науки и технологий. 2012. Т. 3, № 1. С. 24–42.

Дата поступления рукописи в редакцию 24.02.2023

HOUSES OF SCIENTISTS OF THE USSR IN THE 1920s – 1930s IN THE SYSTEM OF STATE SUPPORT FOR SCIENTISTS

N. L. Pushkareva

N.N. Miklukho-Maklai Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Science, Leninsky av., 32A, 119334, Moscow, Russia
pushkarev@mail.ru
ResearcherID: K-1705-2013
Scopus Author ID: 55794855000
SPIN: 3853-8032

O. I. Skenova

N.N. Miklukho-Maklai Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Science, Leninsky av., 32A, 119334, Moscow, Russia
jkzkray@mail.ru
ResearcherID: AHE-1922-2022
Scopus Author ID: 57218307457
SPIN: 2228-0305

The article examines the role of the Houses of Scientists in the USSR during the 1920s and 1930s. Based on the analysis of autodocumentary and office sources, the authors analyze the significance of the Houses of Scientists in the state's efforts to encourage scientists. They also reconstruct the main changes in the educational and diplomatic tasks assigned to these organizations by state scientific policy, and consider how these changes affected the status of House of Scientists members. The authors conclude that over the first 20 years of its existence, the system of the Houses of Scientists evolved into a public association that served as a showcase for Soviet diplomacy and provided leisure activities for the scientific elite, while also requiring them to contribute to society through education. Active involvement in addressing social issues was rewarded with access to material goods and exclusive cultural events. In the House of Scientists, it was possible to interact with colleagues from related fields, attend presentations by foreign researchers, and discuss news in the world of science outside of their direct specialty. The combination of these functions turned the Houses of Scientists into one of the symbols of the elite status of scientists in the USSR. However, with the expansion of functions, there was a risk of devaluing of membership in the Houses of Scientists. Already in the early 1930s, a conflict between the social roles of a “social activist” and a “successful scientist” was noticeable. The Houses of Scientists turned into an elite subculture within the larger professional subculture of Soviet scientists, with limited access and strict internal corporate rules.

Key words: social history of science, Houses of Scientists, everyday life in the 1920s and 1930s, Central Commission for the Improvement of the Living Life of Scientists, Higher Attestation Commission.

Acknowledgments

¹ The article was prepared according to the research plan of the IEA RAS “Gender studies: socio-historical and cultural-anthropological perspectives”.

References

- Akhmetova, M.A. (2021), “«The science that transforms the whole world is created by geniuses who need protection and help more than anyone else» (on the fate of scientists in the hungry 1920s)”, *Istoricheskaya etnologiya*, vol. 6, № 2, pp. 312–325.
- David-Fox, M. (2014), *Showcasing the Great Experiment: Cultural Diplomacy and Western Visitors to the Soviet Union*, Oxford University Press, New York, USA, 396 pp.
- Dolgova, E.A. (2021), “The housing problem for scientists: from a commune house to a housing cooperative”, *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*, vol. 23, № 4, pp. 139–158.

- Dolgova, E.A. (2022), “«TSEKUBU still plays a significant role in the material and consumer services of scientists. At the same time...» Discussion about TSEKUBU in 1929–1931”, *Istoricheskiy arhiv*, № 1, pp. 102–132.
- Dolgova, E.A. (2022), “«Assistance is here and protection is there»: Soviet commissions for scientists as a showcase in the 1920s and 1930s”, *Vestnik Permskogo universiteta. Istoriya*. № 4(59), pp. 62–71.
- Hakkarainen, J. (2012) “Books and Food for the Precious Brains: Re-establishing the International Scientific Relationships with Russian Scholars through the Relief Programme of Academic Relief Committee of Finland in 1921–1925”, *Sociologiya nauki i tehnologiy*, vol. 3, № 1, pp. 24–42.
- Khabibrakhmanova, O.A. (2021), “Soviet Houses of Scientists: Practices of Mastering the Soviet Cultural Space by Higher Education Intelligentsia in the 1920s–1930s”, *Vestnik Chuvashskogo universiteta*, № 4, pp. 158–164.
- Kiseleva, N.V. (1991), *Iz istorii bor'by sovetskoy obshchestvennosti za proryv kul'turnoy blokady SSSR (VOKS: seredina 20-h — nachalo 30-h godov)* [From the history of the struggle of the Soviet public for breaking the cultural blockade of the USSR (VOKS: mid-20s – early 30s)], Izd-vo Rostov. un-ta, Rostov-on-Don, Russia, 160 p.
- Nozdrachev, A.D., Tihonov, A.A. & E.L. Polyakov (2020), *Dom uchenyh: nachalo puti v dokumentah i faktah: (k 100-letiyu so dnya osnovaniya)* [House of Scientists: the beginning of the journey in documents and facts: (to the 100th anniversary of its foundation)], Art-Xpress, St. Petersburg, Russia, 304 pp.
- Orlov, I.B. & A.D. Popov (2018), *Skvoz' zheleznyy zhanaves. See USSR!: inostrannye turisty i prizrak potemkinskih dereven'* [Through the iron curtain. See USSR!: foreign tourists and the ghost of Potemkin villages], Ed. Izd. dom Vyssh. shk. ekonomiki, Moscow, Russia, 485 p.
- Pushkareva, N.L. (2016), “When the salaries were big: material encouraging of the Soviet scientists in 1921–1953”, *Rossiyskaya istoriya*, № 6, pp. 69–82.
- Pushkareva, N.L. (2022), “Domestic Everyday Life of Women Scientists in the USSR and Post-Soviet Russia: Content and Dynamics of Changes”, in *Domashnyaya povsednevnost' naseleniya Rossii: istoriya i sovremenost': Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, Sankt-Peterburg, 07–09 aprelya 2022 goda* [Domestic everyday life of the population of Russia: history and modernity: Proceedings of the international scientific conference, St. Petersburg, April 07–09, 2022], Izd-vo Leningrad. gos. un-ta im. A.S. Pushkina, St. Petersburg, Russia, pp. 119–125.
- Pushkareva, N.L. & A.V. Zhidchenko (2022), “Siberian experiment in the history of the Soviet academic community: everyday and gender aspects”, *Quaestio Rossica*, vol. 10, № 2, pp. 593–611.
- Zharkov, V. V. (2009), “Reformation of the Red Army in the 1920s”, *Yaroslavskiy pedagogicheskiy vestnik*, № 2, pp. 193–202.
- Zhuravlyov, S. & Yu. Gronov (2019), *Moda po-sovetski: roskosh' v strane defitsita* [Soviet fashion: luxury in a country of deficit], Izdatel'stvo «IstLit», Moscow, Russia, 624 p.